

ТУЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ТУЛЬСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЛАСЬ С 24 ОКТЯБРЯ ПО 5 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА. ГИТЛЕРОВСКИЙ ПЛАН ЗАХВАТА МОСКВЫ ПРЕДУСМАТРИВАЛ ГЛУБОКИЙ ОБХОД СТОЛИЦЫ С ЮГО-ВОСТОКА И ЗАХВАТ ТУЛЫ. НО НЕМЕЦКУЮ ТАНКОВУЮ АРМИЮ ВСТРЕТИЛИ СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ, СТОЯВШИЕ НА СМЕРТЬ. НА ЗАЩИТУ ГОРОДА ПОДНЯЛОСЬ ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ: БЫЛ СФОРМИРОВАН ТУЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ ПОЛК ИЗ 79 ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ И ОТРЯДОВ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ, ПОДРУВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИ 329 ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ. ТУЛА НАХОДИЛАСЬ В ПОЛУОКРУЖЕНИИ, ПОДВЕРГАЛАСЬ АРТИЛЛЕРИЙСКОМУ И МИНОМЕТНОМУ ОБСТРЕЛУ, ВОЗДУШНЫМ НАЛЕТАМ ЛЮФТВАФЕ И ТАНКОВЫМ АТАКАМ, НО ОБОРОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ НЕ ПРЕКРАЩАЛИ СВОЮ РАБОТУ. СПУСТЯ 43 ДНЯ БЫЛИ СОЗДАНЫ УСЛОВИЯ ДЛЯ НАНЕСЕНИЯ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ КОНТРУДАРА.

**МИХАИЛ
СЕМЕНОВИЧ
МИШИН**

КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА
ДЕДУШКА ВЯЧЕСЛАВА ЕВГЕНЬЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА,
НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
УРЕНГОЙСКОГО ГАЗОПРОМЫСЛОВОГО УПРАВЛЕНИЯ
ООО «ГАЗПРОМ ДОБЫЧА УРЕНГОЙ»

Михаила Мишина призвали на службу в ноябре 1941 года. Имея опыт партийной работы и окончив курсы высшего политсостава, Михаил Семенович спустя год был назначен комиссаром отдельного батальона автоматчиков стрелкового полка. Комиссар всегда первым выходил из укрытия, первым шел в атаку с призывами «За Родину!», «Коммунисты, в бой!». Средняя продолжительность жизни такого бойца на фронте составляла три-четыре дня. Мишин воевал в этом звании целых пять месяцев. В одном из боев был тяжело контужен, полгода провел в госпитале, а затем продолжил службу в резервных частях. За заслуги перед Родиной и храбрость был награжден орденом Ленина и именным оружием, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

ДЕКАБРЬ

ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС
30	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	1	2	3

НЕСЛОМЛЕННЫЙ

И вновь в нашей газете мы возвращаемся к знаменательному юбилею — 70-летию Великой Победы в войне с фашистскими захватчиками. Вновь на страницах издания — рассказы о людях, чей подвиг навсегда стал бессмертным, а имена навеки запечатлены в славной летописи военных лет. Мы уже рассказали немало разных историй, но эта — одна из особенных. Возможно потому, что рассказчика связывают с героем статьи не просто кровные узы, а проведенные вместе годы жизни.

О своем дедушке Михаиле Семеновиче МИШИНЕ (на снимке) рассказывает Вячеслав Григорьев, начальник отдела охраны окружающей среды Уренгойского газопромыслового управления. И нам очень хотелось суметь передать в публикации то тепло, ту сердечность, с которой говорил о своем близком человеке Вячеслав Евгеньевич.

— Мой дед — весьма легендарная личность. Родившийся в 1906 году, он стал свидетелем и участником почти всех великих и страшных событий, происходивших в нашей стране в двадцатом столетии (кроме перестройки и развала Союза).

Наша семья, а все ее члены — уроженцы Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республики, была очень известной в Грозном династией железнодорожников. Сам дед — выходец из очень бедной семьи рабочего — начал свой трудовой путь со скромной должности «нырка». А суть этой профессии заключалась в следующем: люди в спецобмундировании опускались в железнодорожные цистерны — пятидесятикубовые резервуары — и вручную очищали их от перевозимых нефтепродуктов, например, мазута или бензина.

Так и трудились мой дед, постепенно поднимаясь с самых низов. В свое время был принят в коммунистическую партию. В итоге стал руководителем регионального профсоюзного комитета на станции города Грозного. Работал он на совесть и себя не жалел, всегда был на хорошем счету, его ценили и уважали. А потом настал 1937 год — год, когда в семье случилось несчастье... Началось с того, что по причине болезни умер

один старый и очень известный рабочий Северо-Кавказской железной дороги. Дед, как это было заведено, произнес речь на его похоронах, говорил хорошие добрые слова. А через четыре дня его «забрали», закрыли в следственном изоляторе, а потом осудили на десять лет... за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Дело оказалось в том, что тот самый умерший старичок-рабочий когда-то давным-давно состоял в партии троцкистов. Такая вот неприятность имела в его прошлом, и она рикошетом ударила по нашей семье...

Отсидел дед девять месяцев, которых с лихвой хватило на всю жизнь. Его освободили благодаря заступничеству тестя, очень известного в Грозном человека, лично знавшим Сталина и Молотова. Но это было действительно страшный период в жизни семьи: на всех висело клеймо «родственников врага народа», бабушка постоянно сопровождала моего дядю — старшего брата мамы — в школу, потому что его могли избить, обливать чернилами... Но хуже всех было самому деду, который, вернувшись из тюрьмы, еще целый месяц не мог себя заставить выйти на улицу. И только после реабилитации стал постепенно приходить в себя.

Спустя несколько лет началась Великая Отечественная война, в ноябре 1941 года деда призвали служить. И поскольку у него на то время имелся большой опыт партийной деятельности, отправили деда комиссаром на строительство крупного оборонительного сооружения в районе Моздока. Чуть позже он окончил курсы высшего политсостава, и осенью 1942 года его назначили комиссаром отдельного батальона автоматчиков стрелкового полка. Комиссар — это тот, кто первым шел в атаку, кто выходил из укрытия навстречу пулям и снарядам, поднимал приzóлет, знамя и увлекал всех за собой с призывами «За Родину!» и «Коммунисты, в бой!»

Как свидетельствуют документы тех лет, на фронте средняя продолжительность жизни комиссара составляла три-четыре дня. Мой дед воевал в этом звании целых пять месяцев. В итоге был тяжело контужен, отправлен в эвакуационный госпиталь и после полугодового лечения продолжил службу в резервных частях. За свои заслуги и храбрость он был награжден орденом Ленина и именованным оружием. Обычно в те времена орден Ленина давали практически одновременно с золотой Звездой Героя, но из-за известного пятнышка

на биографии (несмотря на реабилитацию) звания Героя дед удостоен не был.

У нас дома с военных времен хранились три реликвии — дедова полевая комиссарская сумка, наградной именной револьвер и 36 патронов к нему. На этом боевом нагоне образца 1905 года была выгравирована надпись: «Мишину Михаилу Семеновичу за отличное выполнение задания командования». Меня, как и любого мальчишку тех лет, настоящее оружие просто завораживало. И особенно ярко вспоминаются вечера из детства, когда мы с дедом без спешки и суеты, с толком и расстановкой чистили его револьвер. Для меня, ребенка семидесятых годов, не знавшего, что такое компьютерные игры и интернет, этот процесс был целым ритуалом, своего рода священнодействием. Я тогда уже многое знал об оружии, а уж револьвер системы наган мог собрать и разобрать с закрытыми глазами. И когда утром какого-либо дня дед объявлял, что сегодня мы будем чистить оружие, я ждал этого момента с таким нетерпением, как сегодня дети ждут самых увлекательных развлечений. Мы его полностью разбирали, вытаскивали барабан, смазывали... Мой восторг не передать никакими словами! А в 1985 году, когда в Грозном, как и по всей стране, готовились к празднованию 40-летия Победы, мама отдала револьвер в местный музей.

В 1986 году моего деда, которого я всей душой любил, ценил, уважал и которым восхищался, не стало. Он прожил 80 лет, на себе испытал, что такое репрессия, тюрьма, ужасы войны и боли после контузии. Для меня он навсегда останется героем, человеком, которого ничто не могло сломить. У него растут внуки, правнук — мой сын, которого в честь прадеда зовут Михаилом.

И каждый год 9 Мая я мысленно говорю своему деду спасибо. За Победу, за мир, за возможность искренне гордиться своей страной, своим народом, своими родными...

Подготовила
Елена МОИСЕЕВА
Фото из личного архива
Вячеслава ГРИГОРЬЕВА

«Комсомолка» от 9 мая 1945 года